

АЛЕКСЕЙ К. СМИРНОВ

Дачное общество «Ностальжи»

РАССКАЗЫ

Алексей Константинович Смирнов
Дачное общество
«Ностальжи». Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8920603

ISBN 9785447404468

Аннотация

В сборник вошли рассказы разных лет, в том числе опубликованные в журналах «Компьютерра», «Магия ПК» и «Стетоскоп» (Париж), а также в альманахе «Литературные кубики».

Содержание

Нектар небожителя	5
1	5
2	11
3	16
4	24
5	28
6	30
7	35
8	38
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Дачное общество
«Ностальжи»
Рассказы**

**Алексей Константинович
Смирнов**

Фотограф Марина Бабурина

© Алексей Константинович Смирнов, 2017

© Марина Бабурина, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4474-0446-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нектар небожителя

*Мужайтесь, братия избранны,
Небесной мудрости сыны.
Помыслите, к чему вы званы,
Что были, есть и быть должны.*

Масонское пение

1

– Ваш профессор – обычный преступник, – заявил сановитого вида инспектор, снял очки и раздраженно потер обвислые щеки. Седая грива, полная гневного электричества, встопорщилась. – Налицо беспардонный саботаж! – и он швырнул на стол папку с документами.

Группа придворных, излучая неодобрение, молчала, готовая привести в исполнение любой приговор.

– Неудивительно, что бездельник смылся, – продолжал инспектор. – Профукал народные деньги, а сам подался в бега. Вот чем оборачивается неподконтрольность отдельных ведомств и служб, – сказал чиновный лев зловецким голосом.

Но судьба закрытого научного центра и так была решена давным-давно, чиновник лишь ставил точку, довольный, что ему повезло с настоящими уликами. Теперь его многочисленные противники заткнутся.

– Подготовьте смету, расчеты – как всегда, – обратился инспектор к вдохновенному секретарю. – Будем приватизировать. Копии – в прокуратуру.

Тут вмешался кто-то из технического персонала: этот наивный и непонятливый тип желал узнать, как ему распорядиться спецраствором, дюжина бочек которого спрятана в подвале и ждет отправки неизвестно куда.

– Что вы – сами решить не в состоянии? – инспектор вскинул дремучие брови. – Какой, к лешему, спецраствор? Это же липа! – чиновник ткнул в бумаги пальцем. – Химическая структура вещества не несет абсолютно никакой полезной нагрузки! Целую, считай, пятилетку синтезировали какое-то дерьмо для галочки – так что с ним теперь делать?

Других вопросов не возникло, и инспектор, срывая фирменный белоснежный халат, вышел из лаборатории профессора Райце-Роха.

Двенадцать бочек, наполненных ненужным веществом, опорожнили в местную речушку. Река, повидавшая виды, безропотно вобрала в себя очередную добавку.

Дуплоноженко потратил впустую целый день: охота не ладилась. Пушное зверье, в котором нуждался Дуплоноженко, благополучно попряталось кто куда. Встретился, правда, неосторожный филин – он восседал на суку и ни о чем пло-

хом не догадывался. Он даже поприветствовал охотника самовлюбленным уханьем, и век его на этом оборвался. Обо-зленный Дуплоноженко прицелился и зарядом картечи раз-нес дурака в клочья. Ухать стало некому, пух и перья долго кружили в оглушенной тишине, а Дуплоноженко прислонил ружье к стволу лиственницы. Достал затертую, дырявую па-пиросную пачку, покопался в ней заскорузлыми пальцами – папиросы раскрошились, табак смешался с пылью и древес-ной трухой. Где-то неподалеку застучал дятел, Дуплоножен-ко поднял глаза и увидел, как незваная молния расписалась на небосклоне. Секундой позже тишина и покой разорвались новым, ужасающим грохотом.

Остатки спутника, выведенного за каким-то дьяволом на орбиту двое суток тому назад, рухнули в реку в полуки-лометре от места отдыха Дуплоноженко. Почерневшая кон-струкция косо воткнулась на мелководе в песок, и ядо-витый гептил, будучи в семь раз злее синильной кислоты, немедленно излился в беспечную воду и соединился с вы-литым спецраствором, свидетельством саботажа. Река текла себе, как делала это столетие за столетием; поселок, с пьяных глаз построенный внизу по течению, не чувял беды. Не ду-мал ни о чем таком и Дуплоноженко, он только покачал го-ловой и опустил на колени у самой воды. Ему очень хоте-лось пить, и он, любитель расхожей фразы «мы институты не кончали», погрузил ладони, сложенные лодочкой, в реку.

Примерно в то же время некий Вьюшин, жадный до острых ощущений молодой человек, закатал рукав фужайки, подставляя вену под первый в жизни укол героина. Друг и учитель сосредоточенно нацеживал красноватый раствор в шприц-пятишник.

– Ща вмажу так – из трусов выпрыгавать бушь, – пообещал он хриплым голосом, шмыгнул носом и виртуозно слизнул с кончика иглы микроскопическую каплю.

Вьюшин распустил тесьму, что перехватывала его расчесанные на прямой пробор волосы и перетянул бицепс. Потом заработал кулаком, то сжимая его, то разжимая. Вена потемнела, набухла и скоро вполне созрела для пленительного свидания.

Черт сидел на берегу океана сознания и швырял в набегающие доверчивые волны всякую дрянь. Как только рядом объявился ангел, черт издевательски подвинулся, хотя места и без того было предостаточно. Ангел осуждающе воззрился на плавающий мусор, затем перевел взгляд на динамитную шашку.

– Пей, – пригласил его черт дружелюбно. По случаю водного перемирия он выглядел совершенно спокойным. Пить

нужно всем, и драки тут неуместны. Так же вот и на земле в засушливую пору забываются распри; львы, слоны, антилопы и тигры беспрепятственно утоляют жажду из общего источника.

– Зачем ты насвинячил? – ангел скорбно поджал губы.

Черт повел плечами и почесал плешь.

– А что – нельзя? – спросил он нагло. – Нет такого правила, – и вызывающе захихикал.

– И это, – продолжил ангел, указывая крылом на взрывчатку. – Для ловли душ существуют удочки. А вот насчет браконьерства правило есть.

Черт наподдал динамит копытом.

– Так ведь это не мое, – он изобразил невинное удивление. – Кто-то, видно, обронил...

Ангел вздохнул, подобрал подол свежевывстиранного хитона, опустился на колени и припал губами к воде. Черт немного подумал и пристроился рядом. Ангел недовольно покосился, но ничего не сказал. Они пили до тех пор, пока на водную гладь не упала тень. Ангел обернулся.

– Кто это? – прошептал он потрясенно. – Кто ты такой? Положи хлыст! Положи, кому сказано!

Послышался свист, за ним – звук удара, ангельское крыло переломилось и безнадежно повисло.

Черт вскочил на ноги и задрожал.

– Кто ты? Кто ты? – все повторял он и повторял, а тень наступала, надвигалась на него, и хлыст с утроенной силой

ВЗВИЛСЯ В ВОЗДУХ.

2

Вьюшин принял позу эмбриона. Это случилось само по себе, произвольно. В подсознании хранилась живая память о безмятежных месяцах внутриутробного покоя. Вероятно, там ему было чересчур хорошо – недаром Вьюшин постоянно стремился вернуть безвозвратно утраченные ощущения. В итоге он, к сожалению, перестарался, и услужливый герой на поверку вышел вероломным и коварным приятелем. Отчасти Вьюшин своего добился: окунаясь в химическое благодушие, он превращался в зародыш, но – душевно. Когда же пришла пора скрючиться физически, от внутренней гармонии не осталось, увы, и следа. И никакая сила не смогла бы вынудить Вьюшина разогнуться – так он считал.

Но он ошибался, жестоко ошибался, надеясь, что и дальше будет так вот лежать, приковавшись взглядом к пыльному пустому углу, где в точке сходились три измерения: длина, ширина и высота – целый мир. Эта точка напоминала Вьюшину о других точках, которые испещряли его руки, ноги, живот и в которых тоже сходилась весь мир – опасный, ядоносный гость, ибо от частых его визитов гостеприимные некогда врата теперь отгородились бугорками-насыпями и защитными валиками нарывов, окружились язвами и рубцами – Вьюшин заблуждался, рассчитывая на некие но-

вые измерения, что якобы скрывались в жале шприца. Их всегда было только три, хотя они всячески ломались, искривлялись и притворялись незнакомцами. Но вот маска сброшена, угол равнодушен, прямые линии плинтусов и косяков скудны и скучны. А где-то внутри Вьюшина сладкая сказка жизни тоже подходит к концу, измерения выпрямляются, заостряются, и вот эмбрион уж расправился, и выгнулся вдруг стальным дрожащим мостиком. Длина пронзила мозг и копчик, ширина распоркой раскорячила ребра, а высотные гвоздики понабились в руки, ноги и позвонки. Истонченные веревочные мускулы напряглись, кожа вспыхнула. Голые стены (мебель продана давно) придавали комнате вид покойницкой. Сама комната тоже была уже продана, но Вьюшин еще не получил за нее денег. Задержка сводила его с ума, ему пришлось предельно сократить число свиданий с назойливым веществом. Внезапно в спине у Вьюшина что-то рассогласовалось, он обмяк, рухнул на пол и засучил ногами. Веки с силой сомкнулись, пытаясь загнать глаза домой, поглубже в череп, рот приоткрылся и окостенел в бесконечном вдохе. В уши стала вворачиваться дрель – не сразу до Вьюшина дошло, что пыточным сверлом обернулся звонок. То пришел курьер; Вьюшин, одолев иллюзию, пулей вылетел из комнаты, будто и не корчился секундой раньше, отворил дверь. Юнец с гнилыми зрачками принял деньги, отмерил товар и сгинул, перестав существовать для Вьюшина. Тот, прерывисто дыша, изготовил раствор, прошелся опытным взгля-

дом по венам – нет, живого места не нашлось. Ну что ж, тогда уколем в конец, все равно он больше не нужен. Вьюшин припустил домашние брюки, вынул член, на всякий случай подергал – ну как встанет, тогда все будет проще. Но куда там! Беззлобно выругав орган, Вьюшин насосал шприц и взялся за дело. Руки плясали, но он, несмотря на это, был способен не глядя попасть в ушную, скажем, вену кролика или кошки. Очень скоро ему сделалось лучше, он отложил «машину» и без сил опустился на табурет. Когда Вьюшин достаточно оклемался, то сразу вспомнил о почтовом ящике; сетчатка, покуда сам Вьюшин полубессознательно общался с курьером, отследила что-то беленькое в отверстиях. Вьюшин неприятно удивился: он давно уже не ждал от почты ничего доброго. Надо, пока снова не подступило, быстро разобраться и упредить удар судьбы. Он скользнул на лестницу, сунул руку в ящик, достал мятый дешевый конверт. Вернувшись на табурет, распечатал письмо и прочитал, что приглашен на лечение.

Вьюшин лечился не раз и не два. Он, отдадим ему должное, испробовал многое – не считая бессмысленных попыток задобрить неизменного спутника своего порока – вирусный гепатит сразу нескольких разновидностей. Временами Вьюшин, оценивая лечебный эффект, сожалел, что не цепанул СПИДа – это решило бы многое. Печень разваливалась, окрашивая вьюшинское лицо в соломенно-мочевой цвет. Нестерпимый зуд побуждал вновь и вновь раздирать

нарывы и язвы, голова забивалась железной стружкой, ноги не чувствовали тверди земной – да, бесспорно, СПИД пришелся бы кстати.

Письмо удивило Вьюшина: он уж и забыл, как в минуту отчаяния отписал какому-то народному проходимцу, высмотрев в дешевой газете полуграмотный призыв довериться и исцелиться. Вьюшин, уверенный в неизбежном фиаско, черкнул-таки далекому Авиценне пару строк. А тот не поленился, ответил, и... что такое? Вьюшин вчитался внимательно: его приглашали, что называется, на полный пансион, бесплатно, не оговаривая сроков – нечто неслыханное. Он закусил обескровленную, треснувшую губу и задумался. Подозрительно, конечно, но чем он рискует? Ему, между прочим, негде будет жить, когда покупатель соизволит рассчитаться, и захолустная деревня в этом случае – чем не вариант? Опять же он окажется в удалении от соблазнов сатанинского мегаполиса, и ужаленные дьяволом знакомцы не смогут его отыскать... Квартирных денег хватит, чтобы на какое-то время обеспечить себя порошком, а там, глядишь, ему либо помогут, либо нет. А если отрежут голову и ограбят, так ему в конце концов не жалко – что толку себя обманывать, держась за давным-давно не нужную жизнь.

Все же письмо нездоровое, с червоточиной. «Глубоко уважаемый кандедат Вьюшин! Общество Гептарха рассмотрело вашу просьбу и решило послать вам это преглашенее. Вы получите кров стол и нашу заботу пре условиеи согласия с се-

стемой наших взглядов и правилами поведеня. Пользу для здоровья гарантируем. С приветом в предверие скорой встречи одепт Дуплоноженко».

Почерк вполне взрослый, устоявшийся, размашистый. Буквы замерли в полете, слова почти сливаются: похоже, что письмо писалось на одном дыхании, без раздумий, в тяжелом и мутном вдохновении. «Секта, похоже, – разочарованно подумал Вьюшин. – Сумасшедшие». И тут он почувствовал, что зыбкий фон химического бытия пошел рябью и очень скоро его скрючит опять. Гоня сомнения, Вьюшин бросился к телефону вызванивать безалаберных покупателей квартиры. Так и не добившись ничего, он начал звонить на вокзал, желая заранее ознакомиться с расписанием поездов.

Пассажиры, выползшие подышать свежим воздухом, оказались осторожным народцем и далеко от вагонов не отходили. Станция была маловажная, городок захудалый, дерьмовый, и поезд не собирался здесь долго задерживаться. В вокзальный буфет спешили самые отчаянные. И очень немногим выпала доля остаться в городе насовсем: скудный числом провинциальный люд, распаренный и отдувающийся, волочил поклажу в родной муравейничек. Особняком держался нервный, заполошный мужчина без возраста: желтое лицо, хищная лысина, что отвоевала лучшие куски некогда плодородных территорий; прыгающие руки, шаркающие стопы, круглое циррозное брюшко – все это с некоторых пор был Вьюшин. Он направлялся в город, однако путь его лежал гораздо дальше. Дело оставалось за малым: найти автовокзал. Собственно, искать, как выяснилось, было нечего: пара грязных, душных автобусов сонно стояла посреди маленькой площади. Вьюшин переложил чемодан из руки в руку, в сотый раз проверил, на месте ли квартирные деньги, и зашагал к кассе. Всю дорогу его терзали химические страхи – вдруг новые квартирновладельцы наведут на него злодеев, и он будет умерщвлен в пути, так и не испробовав последнего средства. Одновременно он с большим трудом удерживался от искушения истратить всю полученную сумму на ге-

роин. Во-первых, поступи он так, его бы точно удавили алчные наркодельцы. Во-вторых, никогда не поздно вернуться и пополнить запасы. А в третьих, обратная дорога ему заказана: если он исцелится, то деньгам уж всяко найдет применение, а нет – так он поразит сей мухосранск чудовищным пиром, буйным прощанием с жестокими земными пределами.

В кассе на Вьюшина взглянули недоверчиво. Конечный пункт его путешествия не пользовался популярностью. Он ехал в место, где пришлые люди считались великой редкостью; обычно автобус возил туда-обратно только постоянных жителей поселка, навещающих райцентр по хозяйственным нуждам. Вьюшин, получив билет, посмотрел на застывшие часы, и время, которое они показывали, странным образом совпало с истинным. Один из автобусов ни с того, ни с сего взрыкнул и нехотя подкатил к кассам. Вьюшину повезло, он успел вовремя. Несмотря на полдень, других автобусов в этот день не предвиделось.

В салоне сгустился невыносимый зной. Пора было ехать, но шофер, похоже, никуда не спешил. Он сполз с сиденья, вылез из кабины, лязгнув какой-то панелью и начал рыться в машинном брюхе. Минутой позже он взял грязную ветошь и вяло побрел прочь, покачивая мятым оцинкованным ведром. Местные нравы не жаловали суеты. Постепенно народ стал прибывать; все пассажиры, конечно же, отлично друг друга знали и даже не утруждались приветствиями, видя

в соседе не более чем деталь вечного пейзажа. Выюшин не сомневался, что его присутствие было мгновенно замечено и вызвало животный интерес, однако не в обычаях здешней публики было чем-то сей факт обнаружить. Он не поймал ни одного любопытного взгляда и не услышал ни единого слова, произнесенного шепотом на ухо. И правда: дорога неблизкая, времени – хоть отбавляй, и всему свой черед. Сзади тяжело опустился на сиденье средних лет дядька с доверху набитыми продуктовыми сумками. Он водрузил их на колени, надсадно закашлялся и что-то пробормотал, отгоняя подоспевшую муху. Выюшин глубоко вздохнул и утомленно откинулся на спинку. Ужасно хотелось пить. Нарастала тревога: перед выходом из поезда он успел угоститься приличной дозой хорошего, но если знойная деревенская хморь затянет отправку еще на час-другой, ему несдобровать. Может, выйти, прикупить лимонада? Салон почти заполнился; расшатанные нервы Выюшина, невзирая на явную надуманность страхов, держали его на коротком поводке. Черт их знает, местных ящеров – возьмут и тронутся без него... с багажом! Выюшин содрогнулся при одной лишь мысли о такой возможности. В чемодане лежали все его припасы, лишиться их означало неизбежную гибель. Он мигом забыл, как только что планировал устроить пиршество по случаю прощания с жизнью. Выюшин вытер пот со лба и тут же взвился: его хлоппали по плечу. Прикидывая, как и куда ударить, он медленно обернулся. Дядька с сумками протягивал ему пласти-

ковую бутылку с теплой водой.

– На, глотни, – сказал незнакомец по-житейски, с безадресным ботаническим добродушием. – А то, гляжу, лица на тебе нет.

Выюшин перевел дыхание и разжал в кармане пальцы, схватившиеся за выкидной нож.

– Спасибо, – проямлил он невнятно, осторожно взял бутылку и вдумчиво, знакомясь с каждой водной молекулой, отхлебнул. Возвращая бутылку, он еще раз поблагодарил доброго человека.

– Вот, – удовлетворенно крикнул дядька вместо «не за что – пей на здоровье». – Видок-то у тебя хворый. Боллеешь?

Выюшин полуразвернулся и прищурился на болтливого субъекта. Оценил красное полнокровное лицо, седые волосы, совсем не глупые глазки, металл во рту, крестик в проеме расстегнутой потной рубахи.

– Надолго в наши края? – ушлый попутчик, не долго думая, взял быка за рога и приступил к допросу.

Выюшин помедлил, обдумывая ответ.

– Как получится.

– Ну! – одобрительно подхватил пассажир. – Золотые слова! Точно никогда ничего не знаешь, правильно сказал.

Выюшин блекло улыбнулся вежливой улыбкой.

– Как звать-то тебя? – продолжал допытываться надоеда.

Выюшин сдержанно назвал.

– Ага, – кивнул дядька. – А я – Ауслендер Иона Борисович. Не жарко тебе в рукавах?

Вьюшин решительно замотал головой. Ему было жарко, но рукава скрывали нарывы и струпья. Он потихоньку вжался в угол, смекая, что еще чуть-чуть – и его припрут к стене. Однако Ауслендер неожиданно оставил опасную тему и с удовольствием заговорил о своей особе.

– Думаешь, откуда здесь взяться Ауслендеру? А нашего брата всюду хватает. Сам я тут не первый год – привык, мхом покрылся – в общем, замаскировался. И это вот, – он зыркнул через губу в направлении крестика, – и это, – он повертел перед вьюшинским носом руками в мозолях, а после их зачем-то понюхал. – А куда денешься? Тутошний народ консервативный, замкнутый, всякие новшества не приветствует.

Вьюшин с тревогой внимал собеседнику, который сочетал в своей речи нарочито простецкие выражения с привычными, видимо, прежде интеллигентскими словечками. Ассимиляция казалась успешной, но только на кой черт она понадобилась в действительности?

– И что же вас сюда привело? – осведомился Вьюшин небрежно.

Ауслендер вздохнул и тоскливо поглядел в заляпанное окно.

– Завод тут есть, – ответил он сумрачно. – Может, слышал? В свое время напакостили, потом пришла пора изучать

последствия. Сам завод-то уж давно стоит без дела, а я все как бы при нем – оцениваю экологию, анализирую, пробы беру и знаю, что все это зря, никому не нужно. Но деньги, что удивительно, платят, – Ауслендер озадаченно пожал плечами. – Вся страна, понимаешь, на хлебе и воде, а мне что ни месяц – то перевод, – в доказательство он пошлепал по карману пиджака. Тут только Вьюшин отметил, что на Ауслендере полосатый пиджак – в таком-то пекле.

Вернулся водитель, озлобленно плюхнулся на свое место, рванул рычаг. Автобус, полностью соглашаясь с его настроением, огласил площадь сердитым рокотом. Где-то заорал петух. Сложились гармошки дверей, колеса обреченно провернулись, и поездка началась.

Понимая, что Ауслендер рано или поздно возобновит расспросы, Вьюшин принял решение перехватить инициативу и слегка раскрыться.

– Не знаете такого Дуплоноженко? – спросил он негромко, чтоб не услышали другие. – Я в самом деле приболел – печенка ни к черту. А он обещает помочь.

Ауслендер выпучил глаза.

– Эва! – протянул он. – Так ты к Дуплоноженко! Как не знать, – сосед отвернулся. – Кто его разберет – может, и будет тебе польза. А что – ты совсем ничего о нем не слышал?

Вьюшин покачал головой. Ауслендер подался вперед.

– Я тебе сразу скажу, парень: общество у них. Человек

с десятков наберется, – и замолчал.

– Что, секрет какой-то? – спросил Вьюшин.

– Не без того, – Ауслендер что-то соображал. – Знаешь, гость столичный, лучше я пока помолчу. Вдруг у них что-то дельное, а я тут тебе возведу с три короба напраслины. Но, понятно, будь начеку. Сам я давно к ним приглядываюсь, да все не решаюсь обратиться. Тяжел стал на подъем, – он вино-вато усмехнулся. – Вот что: личность ты новая, взгляд у тебя свежий, сторонний – посмотри, послушай, и если найдешь у них что здоровое, шепни мне, старику. Договорились?

Вьюшин рассеянно барабанил пальцами по крышке чемодана.

– Так я и знал, – молвил он удрученно. – Секта. Заманивают лохов. Ну, назвался груздем...

– Да ты погоди ярлыки раздавать, – перебил его Ауслендер. – Все не так просто. Есть у нас такой Выморков, скотником работает. Пил он крепко, даже бывалые мужики диву давались. Все на нем крест поставили, только начал к нему Дуплоноженко ходить. Раз зашел, второй, смотрим – притих человек, вроде как и за ум взялся, – тут в голосе Ауслендера прорезались неуверенные нотки. – Короче, будто подменили Выморкова. С этим делом, – Ауслендер гулко щелкнул себя по горлу, – завязал бесповоротно. Правда, от Дуплоноженко теперь ни на шаг, сделался чем-то вроде правой руки. Эх, знать бы, что теми руками творится...

Вьюшин, даже находясь одной ногой в могиле, не удер-

жался и снисходительно поморщился. Убежденные героинщики видят себя высшими существами, приближенными к надмирной истине и почитающими разум. Тех, кто предпочел алкогольное свинство, они не считают людьми. И Вьюшин, хоть и успел убедиться в ложности подобных воззрений, не смог избавиться от высокомерного чувства превосходства над неизвестным ему Выморковым.

– Что ж, я вам расскажу, – Вьюшин выдавил улыбку. – Если, конечно, будет что рассказывать.

Ауслендер внезапно напрягся, и всякая задумчивость улетучилась из его тона.

– Расскажешь, не расскажешь – это твои дела, – заметил он холодно. – А мое дело – сторона. Мне бы не хотелось, молодой человек, чтобы ваши благодетели узнали про мой интерес. Тем более, что интерес этот сугубо обывательский.

Вьюшин пожал плечами, отвернулся, вслушался в радиопередачу, включенную шофером. Некто заоблачный вещал насчет судьбы России, которая вот-вот решится в регионах.» Может быть, – подумал Вьюшин. – Что мы знаем о регионах? Ведь даже в этой дыре плетутся какие-то интриги, плодятся тайны... того и гляди, своя коза ностра объявится. В самом деле – сидит себе какой-нибудь таежный теоретик-самоучка, да изобретает что-то типа охрентельного сверхлуча – и всем абзац».

Он задремал, потом заснул всерьез и видел яркие, цветные, отвратительного содержания сны.

Теоретик действительно был: Газов-Гагарин, сорокатрех-летний фельдшер. Одевался и держался он так, будто жил на исходе девятнадцатого века и был из народников-разночинцев с явным тяготением к терроризму и бомбометанию. Чахоточного вида, очкастый, с длинными патлами, замотанный в шарф, он считался идеологом общества Гептарха. Он первым изложил теоретические основания общества письменно, благо обладал зачаточными естественнонаучными познаниями. Как иногда случается, этот недоучившийся угрюмец попал в яблочко, и его мрачные дикарские сентенции вскоре получили всеобщее признание.

Газов-Гагарин пришел к Дуплоноженко в час вечерней молитвы. Хозяин восседал на лавочке в углу, закинув ногу на ногу, и сосредоточенно, с достоинством созерцал старинные образа вкупе с фотографическим портретом Фреда Меркьюри, гениальной и гомосексуальной рок-звезды. Горела лампадка, указательный палец Дуплоноженко то и дело отрывался от лежащих на коленях собратьев и выставлялся вверх, как бы отмечая наиболее важные моменты в немом диалоге равных. Вошедший деликатно кашлянул. Дуплоноженко медленно нацепил очки и обратил к фельдшеру невозможный круглый лоб.

– Уже восемь, – напомнил Газов-Гагарин.

Дуплоноженко молча смотрел на него.

– Замечен ненашенский, – Газов-Гагарин улыбнулся торжествующей улыбкой.

Хозяин затаил дыхание.

– Ну?

– Все к тому, что к нам направляется, – фельдшер скромно потупил взор, словно и не он принес важную, долгожданную весть. Каждый вечер, с восьми часов начиная, Дуплоноженко ждал гостей. И вот уже много прошло вечеров, но никто к нему не ехал.

Он бросился к шкафчику, выдернул картотеку – длинный ящик с бумажками.

– Так, – бормотал он возбужденно. – Кто бы это мог быть? Седьмой? Сто восемнадцатый? Ах, чтоб это был сто восемнадцатый! Такая фигура! Постой-ка – может, девяносто девятый?

Забыв о фельдшере, Дуплоноженко разложил на столе с дюжину карточек, где значились имена и адреса. Все эти номера когда-то наткнулись на объявление Дуплоноженко и написали ему письма. И всем номерам были посланы в ответ приглашения, сделаны деловые предложения и обещаны серьезные выгоды.

Газов-Гагарин подошел к окошку, выглянул. Дом стоял на холме; далеко внизу, в самом начале извилистой грунтовой дороги показалась неуверенная фигурка приезжего.

– Что-то ищет, – проговорил фельдшер, наблюдая.

Дуплоноженко, не в силах себя сдержать, прыгнул обратно на лавку и уставился на портреты и лики, ища поддержки.

– Нацеди-ка ковшичек, – произнес он сквозь зубы.

– Ковшичек? – Газов-Гагарин утрашился. – Целый?

– Ну да, – кивнул Дуплоноженко, не сводя с икон глаз. – Делай, что говорят.

Газов-Гагарин, помявшись, спустился в погреб, чем-то погромел и вылез с ковшом, полным прозрачной, чистой воды.

– Давай сюда, – Дуплоноженко не глядя протянул руку, принял ковш, медленно поднес к толстым губам и начал пить. Фельдшер стал отступать к двери, с ужасом взирая на него. Каждый глоток давался Дуплоноженко с трудом и он делал долгие паузы.

– Я пришел без чемоданчика, – предупредил Газов-Гагарин. – Может, хватит? Ведь не откачаю.

Тот не отвечал и все продолжал тянуть воду; огоньки свечей одобрительно подрагивали; Николай Угодник, покрытый копотью, сверлил богомольца нездешними очам, силясь со своего возвышения проникнуть в строй его мыслей и надумать, коль сыщется хоть малая возможность это сделать. Когда наконец раздался звонок, рука Дуплоноженко не дрогнула, он выпил последние капли и повернул к Газову-Гагарину раскрасневшееся лицо.

– Открой, – приказал он сипло. – И не очень скачи перед ним, соблюди солидность.

...Вьюшин томился возле калитки, не решаясь снова нажать на позвоночный пупок. Ему не слишком нравилась эта осовремененная изба, и он в который раз раскаялся в своей больной доверчивости. «Вырезать всех, если лажа, – вдруг явилась ему сумасшедшая мысль, – забрать барахло и слить. Кого искать-то?» Вьюшину пришли на память многочисленные сообщения о примитивных убийствах и грабежах, о непойманных душегубах. Никто и искать не будет. Но тут он вспомнил про Ауслендера и чертыхнулся – надо ж было ему открываться! Кто, спрашивается, тянул за язык?

Ауслендер, покинув автобус, степенно зашагал домой. Дом его был почти такой же, как у Дуплоноженко, только более старый и дряхлый. Несколько лет тому назад, сразу перед прибытием Ауслендера в поселок, руководство купило дом специально для него – да что там купило, забрало практически даром. Однако в скором времени ветхая изба, ничем – разве что убожеством – не выделяясь снаружи, внутри волшебным образом изменилась, оставив всяких Дуплоноженок далеко позади. Правда, об этом не знал никто – жилище изменилось не просто внутри, но даже слишком внутри: основные изменения сосредоточились в погребке.

Войдя в комнату, Ауслендер аккуратно поставил в угол сумки с покупками, похлопал себя по карманам – не забыл ли сигареты – и быстро спустился вниз. От слегка хмельного, добродушного красная ничего не осталось. Увидеть его сейчас недавний попутчик – пришлось бы снова и снова жалеть об опрометчивой откровенности. Малейшие проявления душевной широты сползли с лица бесплотными потеками, зрачки стали глубже, слабая улыбка могла, скорее, обратиться в паническое бегство, чем вызвать на разговор. Ауслендер закурил, уселся в кресло, привычным движением утопил кнопки монитора и процессора. Компьютер хрюкнул, экран залился краской. Ауслендер выщелкал десяток-другой

гой кодов, проник в раздел «досье», на секунду задумался. Обнаружить что-то под грифом «А» маловероятно. Вьюшин даже для списка D представлялся мелким, если уж искать, то не выше литеры F, а то и вовсе окунуться в безбрежное, внешне законопослушное быдло. Ауслендер ткнул F, пришпорил бегущие строки – так и есть, сведения отсутствуют. Ладно, попробуем G. Но только в списке H отыскался невзрачный, пропащий гражданин Вьюшин Владимир Владиславович, не замеченный ни в чем серьезном, кроме неодолимой тяги к наркотическим радостям. Ауслендер, спокойствия ради, пошарил еще кой в каких закоулочках, о которых не каждый чекист имеет понятие – пусто, как и следовало ожидать. Ну что же, будем работать с тем, что нашли. Он начал настукивать рапорт, начинающийся словами: «Сообщаю, что Вьюшин Владимир Владиславович, категория H, индекс 19088, прибыл в Z сегодня вечером, имея целью установить контакт с подконтрольным объектом. Вьюшин прибыл якобы для лечения больной печени, будучи приглашен объектом лично. Из 1215 респондентов, с которыми объект пытался наладить переписку, Вьюшин на момент подачи рапорта единственный, кто воспользовался приглашением. Не имея возможности лично внедриться в окружение объекта по причине высокого риска для здоровья, нахожу перспективным использовать Вьюшина В. В. в качестве осведомителя. При первом удобном случае планируется забор биологических проб...»

Вьюшин подозрительно рассматривал лобастого, напряженного мужичка в телогрейке. Дуплоноженко молчал, пытаясь гипнотически воздействовать на гостя тяжелым, значительным взглядом. Мимо Вьюшина мягко прошел человек, отворивший ему калитку – сутулый доходяга из той породы, что высасывает сигарету в две затяжки, – прошел и уселся на лавку рядом с хозяином. Глаз доходяга не поднимал, внимательно изучая свои сцепленные кисти.

Сзади стукнула дверь: явился Выморков.

– Послушай, гражданин иллюминат, – начал он еще с порога, обращаясь к Дуплоноженко, но сразу осекся при виде постороннего. Однако назад не повернул, а протопал по-деловому к образам, перекрестился на Меркьюри, сел на лавку третьим и выжидающе вытарашил на Вьюшина глаза. Вьюшин обратил внимание, что лицо у него такое, будто в кармане день и ночь хранится что-то интересное, вкусное, и Выморков всегда ходит с таким лицом.

Газов-Гагарин вкрадчиво спросил:

– Чем обязаны визиту далекого гостя?

Вьюшин вынул из-за пазухи конверт, подал фельдшеру. Тот передал письмо хозяину, и Дуплоноженко, не читая, положил верительные грамоты на стол.

– Наверно, я к вам, – объявил Вьюшин с сомнением и роб-

ко шагнул к Дуплоноженко. – Вы писали, что можете помочь мне с решением маленькой проблемы...

– Наркотики, – полуутвердительно кивнул за Дуплоноженко Газов-Гагарин. Вьюшин, проклиная все на свете, улыбнулся злой и виноватой улыбкой, быстро взглянул на фельдшера, затем – на безмолвного скотника.

– Здесь все свои, – донесся, словно из бочки, голос Дуплоноженко.

– Соборность, – тотчас уточнил Газов-Гагарин и развел руками. – Всем миром навалимся и одолеем лихо.

Вьюшин в ответ ничего не сказал. Теперь его взгляд был прикован к образам, и Дуплоноженко проследил за направлением этого взгляда. Он тоже заглянул в демонические очи певца и непроизвольно умилился. Пальцы скрючились в юродивую щепоть, потянулись к челу. «Все понятно», – Вьюшин принял окончательное решение и прищурился. Выморков, глупо разинув рот, пялился на чужака. Выражение лица изменилось: перед Вьюшиным сидел изумленный кретин, который только что отплясывал «лапти да лапти» и схлопотал поджопник.

– Я ошибся, – четко и внятно произнес Вьюшин, еще не до конца отдавая себе отчет в масштабах несчастья. До сих пор надежда, хоть и полумертвая, поддерживала во Вьюшине жизнь, разум его не был готов так вот сразу расстаться и с тем, и с другим.

Дуплоноженко пошевелился.

– Обожди маленько, – предложил он с участием. – Встречают по прикиду, провожают по понятиям...

Вьюшин не собирался его слушать.

– Водички испить не найдется? На дорожку? – голос его зазвенел.

Безумная троица застыла, словно услышала нечто невероятное.

Дуплоноженко провел языком по губам.

– У нас централизованное водоснабжение, – сказал он напряженным голосом.

Фраза показалась Вьюшину неуместной, но что здесь было уместно – включая его самого? Поначалу он подумывал, несмотря на очевидное слабоумие аборигенов, напроситься переночевать, да и с этой идеей решил расстаться. Как-нибудь перекантуется до утра, ну их к Богу в рай.

Газов-Гагарин встал, куда-то вышел и скоро вернулся с ковшиком.

– Пейте, если хотите, дело житейское, – сказал он, усугубляя несуразицу.

Вьюшин осторожно взял ковшик, поднес ко рту. Остальные с наигранным безразличием стали глазеть кто на что. Гость взглянул на воду повнимательнее, ничего худого в ней не нашел и начал пить. Когда ковшик опустел наполовину, Газов-Гагарин деликатно вынул его из рук Вьюшина, а немногословный Выморков сказал, как отрезал:

– Ну вот и ладно, мил человек. Ошибся, не ошибся, а от-

дохнуть с дороги всякому нужно. Ночь переночуешь, а утром на свежую голову изложишь, как решил.

Вьюшин попытался возразить, но тут гостеприимные хозяева вдруг как с цепи сорвались: загалдели хором, повскакивали с мест и дружно заверили странника, что он и думать не посмеет куда-то идти в такую темень, что это не по-людски. Вьюшин растерянно отгораживался локтем от их наскоков и постепенно сдавал позиции. Когда все они были сданы, он испытал облегчение, поскольку дьявольски устал и был готов, если честно признаться, заночевать хоть в тюремной камере.

И здесь он обнаружил, что потребность сей же час уколоться куда-то исчезла.

Не веря в происходящее, Вьюшин огладил себя и получил подтверждение: да! ни единым намеком, ни тенью недовольства его отравленные клетки не просили спасительной дозы. Он утратил дар речи и позволил отвести себя в камеру с умывальником. Автоматически он отметил богатое убранство этой ванной комнаты – шитые золотом шторы, какие-то хоругви и резные украшения, а провожатые почтительно снизили голоса до шепота. Вьюшин, думая о своем, для поддержания беседы вяло брякнул:

– Вы ж говорили, водоснабжение централизованное. А у самих – обычный рукомойник.

Газов-Гагарин укоризненно приложил к губам палец.

– Централизованнее не бывает, – сказал он сурово. – Над-

мирный центр нашего водоснабжения есть Гептарх.

– Что за Гептарх? – Выюшин продолжал себя ощупывать.

Фельдшера опередил Дуплоноженко:

– Не видишь? – спросил он срывающимся голосом. –

А здесь, между прочим, его капище – заруби себе на носу.

Взгляни сюда, куда показываю! – палец хозяина стал тыкать в какие-то потеки краски на косяке.

Выюшин покорно рассматривал указанный участок, но ничего не разбирал. Его слегка тошнило, в голове разгулялся сумбур.

Дуплоноженко, проявляя настойчивость, тыкал опять и опять, пока Выюшин не увидел все, что полагалось.

Ауслендер, осчастливив монитор еще несколькими строчками, вдруг перестал печатать. Очередное донесение показалось ему неоправданно будничным и пресным. Не он ли сетовал на скаредность руководства, которое, столкнувшись с серьезной проблемой, по привычке зажимало силы и средства? Ауслендер – один за все про все. Смешно сказать, ему приходится изворачиваться, врать на каждом шагу, и все без толку, тогда как те же самые несчастные пробы можно было бы запросто взять у всех подряд, назначив какой-нибудь профессиональный медицинский осмотр. Но нет, даже на это его начальников не хватало. Похоже было, что его отчеты попросту никто не читает. О грамотных консультантах он не смел и заикнуться, но в то же время отчаянно нуждался в содействии психиатров, биохимиков и даже – дожили! – духовенства. Не говоря уж о том, что положение может оказаться действительно угрожающим, и Ауслендеру, случись что, неоткуда ждать подмоги. Так что глупо будет не воспользоваться приездом нового человека, и чуточку сгустить краски не страшно – имеет же он право, в конце концов, на собственное видение ситуации. Вот померещилось ему, что дело дрянь – и все тут. Авось пришлют кого-нибудь разобраться, авось расконсервируют, а то и вовсе заменят на более молодого и проворного.

Ауслендер мстительным щелчком уничтожил напечатанное и начал заново. Он решил создать своего рода резюме, само появление которого подводит некую черту под несколькими годами шпионажа, возвещает новый этап в развитии операции и отражает фактом своего существования общую тревожность момента. Вскоре в памяти компьютера поселился озабоченный текст:

«Обстановка, сложившаяся к моменту подачи рапорта, может быть охарактеризована как взрывоопасная. Известно, что около пятнадцати жителей Z, предположительно употребивших внутрь зараженную сбросами воду, одновременно обнаружили в себе склонность к мистическому интуитивизму. Также многие факты косвенно указывают на внезапно развившиеся гомосексуальные настроения. Подчеркиваю, что вся имеющаяся информация основана большей частью на неподтвержденных слухах, так как мои личные возможности в вопросе установления истины крайне ограничены. По имеющимся данным, вышеупомянутые лица организовали сообщество, отдаленно напоминающее масонскую ложу, задачи и взгляды которого совершенно непонятны. Группа занята непрерывным поиском единомышленников за пределами Z, стремясь максимально широко распространить свое влияние».

Ауслендера, человека начитанного, так и подмывало написать в екатерининском стиле: «учиняют колобродство и нелепая умствования, поклоняются какому-то потоку

краски». Он выругал себя за несерьезное отношение к делу и далее напечатал:

«Учитывая, что вылитые в реку химикаты имеют непосредственное отношение к программе создания архетипического оружия, призванного активизировать автономные подсознательные комплексы в коллективном подсознании больших скоплений людей (см. Дракон, Отец, Великая Мать, Страшное Существо), резонно заподозрить частичную реализацию программы в границах поднадзорного района. Прибытие в общину постороннего человека, некого Вьюшина Владимира Владиславовича, категория Н, индекс 19088, знаменует собой новую стадию процесса. Выход местной болезненной идеологии за пределы Z сулит немало проблем в обозримом будущем. Замечу особо, что быстрое естественное самоочищение водных масс от сброшенных химикатов еще не есть надежный заслон дальнейшим отравлениям. Со своей стороны не могу исключить наличия соответствующих водных запасов у членов общины. Тем более подозрительным является обещание лидера общины Дуплоноженко излечить у гражданина Вьюшина, наркомана со стажем, заболевание печени. Исходя из вышесказанного, вынужден доложить, что моих собственных сил и средств может не хватить для возможного противодействия экспансии. Также сильно озабочен собственной некомпетентностью в психологических, медицинских и религиозных вопросах. Следуя логике здравого смысла, запрашиваю помощь...»

Двуличный Ауслендер заблуждался. Общество, возглавляемое Дуплоноженко, насчитывало не пятнадцать членов. В обществе состоял весь поселок от мала до велика, а что касалось «возможной» экспансии, так Ауслендер красок не сгустил – напротив, он вообще ничего не знал об истинном размахе движения. У каждого из местных хоть кто-то да жил в районном и областном центрах, и регулярные наезды в города неизменно пополняли ряды поклонников Гептарха. И, перед самым собой безотчетно, Ауслендер совершенно правильно усмотрел в движении сходство с масонской организацией. Орден Дуплоноженко отличался сложной системой конспирации, тайных опознавательных знаков и секретных приветствий; служение Гептарху требовало также введения запутанных ритуалов. Но, в отличие от масонства, где самая суть активности зачастую преподносилась невнятно, а то и вовсе отсутствовала, общество Гептарха, обладая предельно ясным Откровением, отлично знало, что и зачем творит. Разумеется, лицам, не допущенным к причастию тайн, символы здешней веры показались бы заимствованными из учебника психиатрии, причем учебника не для высших заведений, а рангом пониже, для средних специальных. Было и другое отличие: в Ордене практически не существовала иерархия, так как Откровение давалось вместе

с причастием каждому в полном объеме и никакие ступени посвященности не требовались. Некоторые, конечно, переживали Откровение глубже прочих, с колоссальным напряжением чувства – тот же Дуплоноженко, например, который за это свое качество, равно как и за выпавшую ему честь оказаться первым апостолом, стал руководителем Ордена. Газов-Гагарин, подтверждая юнговское распределение субъектов по психологическим типам, в большей степени искал, с позволения будет сказано, разумные, гносеологические корни свалившихся с неба сведений, – искал и находил, за что и признан был идеологом секты. На секретных сходках ему вменили в обязанность выступать с проповедями; Газов-Гагарин охотно подчинился, почитал кое-какую литературу, после чего речи его с каждым разом делались все более отточенными, а идеологическая база Ордена успешно каменила, отливаясь в нечто вполне завершенное. Титулы и звания множились; Дуплоноженко, переварив очередное видение, предложил братьям именоваться между собой иллюминатами и пеликанами. Газов-Гагарин восторженно расценил его слова как новое доказательство правоты их общего дела: откуда, как не свыше, мог темный Дуплоноженко получить информацию о давным-давно забытых иллюминатах и пеликанах, столь популярных некогда в масонских кругах? Уровень развития первого апостола не позволял ему даже правильно произнести слово «иллюминат». Вне всяких сомнений, первый апостол черпал знание из высших, вневре-

менных источников, из вселенского океана сознания, и, заговори он вдруг на каком-нибудь редком наречии, Газов-Гагарин не удивился бы, так как узнал из научных и околонанучных трудов, что случаям подобного озарения несть числа. Предпочтение, отданное таким образом масонским пеликанам, было вполне объяснимо – если не сокровенный смысл его, то хотя бы происхождение. И вообще – сообщество Гептарха уже столько успело приобрести по милости своего верховного покровителя, что стало подумывать о выражении благодарности. Эта последняя могла излиться в каком-нибудь, к примеру, торжественном жертвоприношении. Скотиной тут не обойтись, тут нужен человек – желательно неверный и продажный человек.

Через несколько дней поселок навестила гроза. Ливень застал Вьюшина врасплох, когда он выходил из лавки, где покупал консервы и хлеб. Пришлось укрыться под навесом; там же вскоре пристроился Ауслендер: он возвращался с почты и теперь с добродушной досадой тискал мокрые газеты, которыми прикрывал голову. Вьюшин взглянул на него так, будто видел впервые в жизни. Духовно слившись с коллективным поселковым сознанием, он не нашел следов присутствия Ауслендера в общем информационном поле и сразу сделал верный вывод, что рядом – чужак, изгой, пария.

Самодостаточный Ауслендер ничего не замечал, он не чувствовал фальши в наигранном панибратстве, с которым относились к нему поселковые. Последние, связанные тайной, до поры до времени помалкивали, хлопали рубаху-парня по плечу, не упускали выглотнуть стаканчик-другой за компанию, и чекист ни о чем не подозревал. Между тем все без исключения знали, что в доме своем Ауслендер поставил дорогой иностранный фильтр для очистки воды – это открытие привело поначалу общество в сильное негодование. Получалось, что отщепенец прекрасно знал, что здешняя вода может оказаться отравленной, однако ни с кем словом не обмолвился, а сам продолжал очищать. На сходке руководство постановило не трогать подльца и лишь вести за ним пристальное наблюдение. Очень скоро негодование сменилось злорадством: пришелец высек сам себя, готовя ближнему яму, и сделался лишенным высокой милости Гептарха.

– Вот ты где, – сказал Ауслендер удовлетворенно и протянул ладонь. Вьюшин сдержанно пожал ее и сухо поздоровался.

– Как поживают потроха? – спросил Ауслендер бодро. – Все еще беспокоят?

– Да, знаете, ничуть не лучше, – отозвался Вьюшин. Но в голосе его не было уныния, и даже ощутилось странное ликование – Вьюшин как бы намекал, что он всего-навсего подыгрывает собеседнику, тогда как сам владеет каким-то секретом. Этот тон не понравился Ауслендеру, и,

словно оправдывая его дурные предчувствия, сверкнула сталью молния.

– Уговор-то наш помнишь? – чуть склонив голову, Ауслендер испытующе уставился прямо Вьюшину в глаза. Тот церемонно изобразил недопонимание.

– Я про Дуплоноженко говорю, – не отставал Ауслендер. – Просьбу мою не забыл?

В сей же миг Вьюшину все сделалось ясно. В собеседнике промелькнуло нечто до боли знакомое – образ жизни Вьюшина предполагал периодическое общение с личностями, которые расположены к допросам как внутренне, так и по долгу службы.

– Ах, вон вы о чем! – он ударил себя по лбу. – Если честно, то да, вылетело из башки. Это, наверно, оттого, что и сказать-то нечего. Строит из себя кого-то, а на деле – пустое место.

«Что ж ты, сука, заливаешь?» – подумал Ауслендер. Вслух же безразлично поинтересовался:

– Ну, а группа его – как? Наводит на мысли?

– Лучше б тех мыслей не было, – Вьюшин расслабленно отмахнулся. – Обставил все иконами, дурацкие фотографии развесил. Молиться ходит к рукомойнику, – Вьюшин, выкладывая толику правды, развлекался: он играл, полагая, что Ауслендеру ничего не известно о принятых у Дуплоноженко обычаях. Ему приятно было изложить реальные факты и знать, что враг – по всей вероятности, Ауслендер был

враг, – не сможет заключить к чему-то серьезному. Но сказал он много больше своего желания: чекист сопоставил скудные сведения с новым, недавно взыгравшим блеском в глазах Выюшина и получил более или менее ясную картину. Неофит попал в расставленные сектантами силки, это очевидно. Что же там за дьявольщина?

– Небось их, слава Богу, раз, два и обчелся, – заметил Ауслендер коварно. – Кто там может околачиваться? Ну, Выморков с фельдшером, Чентуков, Зародов... так?

– Точно, – кивнул Выюшин утвердительно. – На такую лажу не каждый купится. А дураки – они всегда были.

– А как он лечит-то тебя – порошками или травами?

Выюшин немного подумал.

– Нет, – сказал он и чуть улыбнулся. – Скачет, как шаман, и блеет козлом.

Ауслендер огорченно и понимающе закивал. Выюшин решил, что придумал топорно, с перехлестом.

– Но все-таки я не теряю надежды, – сказал он серьезным тоном. Опять сверкнула молния, Выюшин озорно подмигнул небесам, и те незамедлительно зарокотали громом. – Откровенно говоря, идти мне больше некуда. У Дуплоноженко и крыша, и харчи – пускай чудит. Да и Выморкова вы сами помянули – нет, никуда мне от них не деться.

– Я не отговариваю, – запротестовал Ауслендер. – Оно ежели припрет, так и шаман хорош, только бы здоровье вернуть. Правильно я говорю?

– Угу, – Вьюшин не стал спорить против банальности.

Дверь магазина отворилась, под навес шагнул высохший старичок с кульком гречки под мышкой. Он посмотрел на беседующих и ни с того, ни с сего поплыл в беззубой извиняющейся улыбке.

– Щи да каша – пища наша, – молвил он, прося прощения за купленную крупу, и для верности потрянул кулечком.

И было в этом старичке что-то очень и очень согласное с его бессмысленной присказкой, неуловимое родство неприглядной наружности со сказанным. Ауслендер вдруг застыл, как если бы увидел хищное чудовище, неслышно к нему подобравшееся.

– Пища наша, – пробормотал он не своим голосом. – Пища наша – щи да каша, – отрешенно повторил он еще раз. – Вот оно как.

Вьюшин с беспокойством заглянул ему в лицо – так и есть, тихушник до чего-то додумался.

– Иона... Борисович, – позвал он неуверенно. – Что это с вами?

Ауслендер обернулся и дико посмотрел на Вьюшина.

– Н-ничего... ничего особенного, – пролепетал он в смятении. – Заболтался я с тобой, а мне же надо... давай пять, увидимся... бегу я...

Он дернул дрожащей рукой, не дождался ответного рукопожатия и выпрыгнул в дождь и слякоть. Молнии, будто резвясь в плохом спектакле, яростно забегали, гром зашелся

грозным кашлем. Выюшин гневно приблизился к старичку и взял его за грудки.

– Ты что же, старый козел, язык распускаешь? – спросил он со свистом. – К апостолу захотел?

Дед съежился и выкатил глаза.

– Иптарх Совокупительный свидетель... не по злему умыслу... то ж пустая прибаутка...

Выюшин начал трясти его, хлестать наотмашь по щекам, совать под ребра растопыренные пальцы. Дед визжал, подсакивал, вырывался, а лопнувший кулек валялся в грязи, и расторопные птицы уже клевали мокрые зерна.

Еще многое предстояло выяснить, во многом разобраться, но главное ухватить удалось, и Ауслендер не знал, радоваться ему или посыпать голову пеплом. В том, что догадка верна, сомнений не было. Однако истина казалось столь ужасной и бредовой, что из доклада начальству могли простечь с одинаковой вероятностью как повышение в звании, так и позорная дисквалификация – если не принудительное психиатрическое лечение. Ауслендеру мнилось, будто он и прежде знал ответ, не хватало пустяка, слабого толчка извне. Но явился безвестный старичок, барьеры рухнули, и вот он один на один с опасным знанием.

Пища! Сверкающие глаза Ауслендера перебежали с одно-

го книжного корешка на другой. Горы писанины, и всюду он подсознательно замечал увязанность с пищей, которую ели приверженцы той или иной веры. Приветливыми огоньками вспыхивали в мозгу подходящие цитаты, вспомнились Юнг Карл Густав, Сведенборг, Марк-Евангелист, Станислав Гроф – нет, навряд ли руководство сочтет его психом, иначе оно никак не стало бы поощрять его мистические поиски и высылать том за томом сочинения духовидцев, труды которых он постоянно заказывал. Вероятно, наверху допускали, что всяко может повернуться.

У Ауслендера закололо в груди. Перспективы создания архетипического оружия развернулись перед ним во всем великолепии. «Выгонит беса... приберет свой дом... вернется бес, увидит, что чисто и пусто, и приведет еще семерых, много злее и свирепее, и будут жить...» Но главное – главное, чего при этом поешь или выпьешь. Взгляд Ауслендера остановился на надкушенном яблоке. Небось, и у яблока существует какое-нибудь духовное соответствие – достаточно, скорее всего, безобидное. Интересно поспрашивать у любителей яблочных диет, бывают ли у них какие-то особенные видения? необычные, специфические сны? Ауслендер помотал головой, возвращаясь к предмету исследования. Тут вам не яблочком пахнет, тут такая хреновина...

Он бросился к компьютеру и поспешно напечатал сверхсрочное донесение. Черт с ним, ему же за пятьдесят – или грудь в крестах, или голова в кустах.

Солнце наконец закончило пристраиваться и осторожно уселось в черные холодные ели. Светилу начал сниться розовый ровный закат, и этому сну был свидетелем необъятных размеров мужчина, на вопрос о себе обычно отвечавший: «Чентуковы мы». Зайдя Вьюшину за спину, он плавно взмахнул ручищами, набросил тому на глаза черный платок и завязал на затылке узел. Вьюшин ослеп, он слушал сосредоточенное пыхтение просветленного Гаргантюа, да лай невидимых собак впридачу. Двумя пальцами Чентуков схватил его за локоть и куда-то повел с окраины поселка, где между ними условлено было встретиться. Вьюшин же, не строя никаких предположений о дальнейшем, в сердце хранил уверенность, что вышел в конце концов на верную дорогу. Печень – так он позабыл, где та печень находится, а о любителях внутривенных вливаний думал теперь с брезгливым сожалением.

Шли совсем недолго; очень скоро Чентуков придержал Вьюшина, зашел вперед, распахнул скрипучие ворота и дружеским тычком направил неофита внутрь. Там придержал еще раз, предупредил о гнилых ступенях, что спустились в картофельный влажный полумрак, и вот путешествие окончилось. Богатырь строго-настрого наказал Вьюшину не снимать с глаз повязки, пока не стихнут послед-

ние отзвуки его, Чентукова, удаляющихся шагов. Вьюшин с готовностью закивал; гигант удовлетворенно потрепал его по загривку и вразвалку потопал прочь из подвального помещения.

Вьюшин вслушался в загадочную тишину. Та была совершенной и торжественной, тогда он снял повязку и увидел прямо перед собой треугольную лампадку, свисавшую с потолка. Слабо светили три тонкие свечки – красного, белого и черного воска. В одном углу картошные россыпи попирал изогнутыми ножками старинный журнальный столик; рядом с ним притаились два черных табурета. На столе покоился бесстрастный череп, глазницы которого были натерты пламенным фосфором. Перед черепом вместо костей положены были крест-накрест внушительные искусственные фалосы, приобретенные в столичном секс-шопе. Тут же лежали раскрытые книги – Ветхий и Новый Завет, Бхагават-Гита, Талмуд, «Учение толтеков», Коран и тексты Тота Гермеса Трисмегиста. На дальней стене было вывешено полотнище с изображением сурового клыкастого Гептарха. Вьюшин содрогнулся: то был многократно увеличенный вариант лепного лица, проступившего сквозь потеки краски в гигиенической комнате Дуплоноженко. В углу раскорячился обезглавленный скелет с табличкой «будешь таким», в другом – уродливый фанерный Водолей с наполненным кувшином. Кувшин оплетала узорная надпись: «Эра Водолея – гептил есть соль Моей жизни, семя крови Моей».

Вьюшин, не имея инструкций, бездействовал, время шло. Четверть часа спустя шаги послышались снова: в подвал спустился Газов-Гагарин, одетый в черные треуголку и плащ. Без лишних вступлений он с ходу начал объяснять Вьюшину суть увиденного.

– Ты помещен в сырое, мрачное чистилище, дабы воочию узреть великую тьму, укрывшую человеческий род. В этой скорбной тьме присутствует символ победы над рабством, – Газов-Гагарин простер руку, указывая на раскрытые тома. – Откровений много, величие мира открывается не в равной степени каждому и не в одинаковой для всех форме. Все, что ты здесь видишь – христианские, мусульманские, иудейские и прочие тексты – суть различные проявления единой истины. Она многообразна, и если что открылось человеку свыше, то, стало быть, есть в действительности, и если уверовал кто в нечто большее, нежели он сам, то так он в своей вере и остается. И Бог, которому он поклоняется, рождается и живет. Однако мал, ничтожен человек, и мало ему собственных усилий, чтобы ступить на тропу освобождения. Каждый из нас нуждается во встречной высшей воле, и воля эта сообщается нам чрез нашу пищу – так, в частности, прозрел ясновидец Эммануил Сведенборг: прозрел, но не сделал должного вывода.

Вьюшин слушал, затаив дыхание; огоньки свечей мерцали нимбами, череп сиял, фаллосы тускло блестели. Голос Газова-Гагарина постепенно приобретал чревовещательное зву-

чание.

– Дано ему было узреть, что многие и многие духи, нас окружающие, имеют сродство к определенным напиткам, яствам и курениям. Люди про то ничего не знают, им грезится, будто сами они выбирают одну еду вперед другой и сами по себе предпочитают одни напитки прочим, но это не так. Не человек выбирает, но дух за него – вселяется, пробует, находит приятным и требует еще. Любимый брат наш, которого ты видел, и дня не мог прожить без горячительного, но вина взалкал не он, а низший, неразборчивый демон вымогал себе пропитание. А если взять широко, то сколько их, к примеру, на земле – любящих хлеб, вино и рыбу? и тебе известен Бог, какому они служат и какому по душе такая пища. Иные пристрастились к рису и чаям – извольте, соответствующие духи, приобщившись, являют им надмирную безличную нирвану. Отвергатели свинины до сих пор дерутся в кровь за палестинские земли. Толтеки, поклонники смертоносных грибов, вызвали к жизни легион совершенно невероятных, чудовищных сил, о каких и не слышали иные народы. И сам ты, будучи слеп, угодил в сети, расставленные духом низким и недобрым, но – хвала Гептарху! – Он явился тебе в чаше, сильный и славный, и давний недруг твой был посрамлен и изгнан в одночасье.

– Я чувствую, – прошептал Вьюшин, округляя глаза. – Я знаю точно, что ныне во мне живет новая жизнь – сила могучая, небывалая... – Слова, хотя Вьюшин никогда не был

склонен к высокопарному слогу, вылетали сами собой.

– Конечно, ты чувствуешь, – Газов-Гагарин ласково улыбнулся. – Такого еще не случилось, чтобы кто-то испил Гептарха и не почувствовал. Пророк наш и первый апостол, отдавав первым грядущего Водолея, в одну секунду вместил, подобно Магомету, все знание без остатка. Подобно Магомету же пораженный падучей, бьющийся в судорогах, пену источая, кусая язык, а также мочась в исподнее, он впитывал драгоценный свет. Малой пригоршни речной воды хватило ему, чтобы провозгласить новую веру. И вера эта столь же страшна и ужасна, сколь и притягательна.

Фельдшер прервался, собираясь с мыслями. Вьюшин, близкий к экстазу, ждал продолжения. И дождался.

– Гептарх троичен, – теперь голос Газова-Гагарина звучал глухо и деловито. – Символом тому – три свечи, – он указал пальцем в направлении огней. – Гептарх нам явлен в двух разумных, мирских, и в одной мистической ипостаси, непостижимо оказываясь сразу и первым, и вторым, и третьим. Все живое смертно, поэтому Декапитатор – первая Его ипостась, – Газов-Гагарин поочередно указал на череп, черную свечу и безголовый скелет. – Декапитатор суров, он выше земной справедливости, его выбор – высокий выбор, и он декапитирует... – Фельдшер уловил некоторое замешательство в глазах Вьюшина и раздраженно пояснил: – Головы, головы отрывает – исходя из целей скрытых, тайных, и пути его неисповедимы. Но, – голос Газова-Гагарина зазвенел, –

есть и вторая ипостась, она же – Совокупитель, благо всякая жизнь порождает всякую жизнь. Гептарховы адепты, возносясь над природой, уходят от природой положенного совокупления. Недаром Сократ утверждал, что однополая любовь намного выше и чище разнополой, ибо сила чувства преодолевает здесь природные запреты, а потому познавшие Гептарха не могут больше быть удовлетворены низкими формами любви, не требующими насилия над естеством. Побеждая естество, мы смело сливаемся в братском соитии, естеству противном, имея при том в виду ступень следующую, высшую – последнее совокупление с самим Гептархом в третьей, мистической ипостаси. Об этой ипостаси нам ведомо мало, и поэтому одна лишь свечка, белая, есть ее знак. Довольно я тебе, однако, сказал, теперь нам пора. Не следует затягивать обряд посвящения, к тому же нынче ты примешь участие в службе, какая бывает не часто: тебе повезло быть сразу произведенным в женихи на химической свадьбе.

С этими словами Газов-Гагарин вновь завязал Вьюшину глаза.

– Тернист и опасен путь земной, – заблекотал он неожиданно тонко, и Вьюшин ощутил холод клинка под левой лопаткой. – Один неверный шаг на пути к истине – и ты покойник. Ступай же и будь внимателен.

Вьюшин начал подъем, фельдшер следовал за ним неотступно, упирая в спину сапожное шило. Вышли на улицу, Вьюшин споткнулся о камень, и шило немедленно ужалило

его, предупреждая. Между тем камни, с явным умыслом разбросанные, продолжали мешаться под ногами. Словно читая его мысли, Газов-Гагарин шепнул, что время разбрасывать камни пришло. «Это составная часть испытания», – догадался Вьюшин и ступал вдвойне осторожно. Фельдшер время от времени его останавливал, заставлял кружиться волчком, запутывая и сбивая с курса. Все это, конечно, носило символический характер, так как действие происходило последовательно в погребке, во дворе и далее – в просторном доме Дуплоноженко, и не приходилось всерьез рассчитывать на то, что кто-то впоследствии не будет способен найти дорогу к секретному капищу.

Взошли на крыльцо; Газов-Гагарин взял заранее выложенный молоток и троекратно бахнул в дверь. Из-за нее со значением замычали:

– Кто нарушает покой братьев-пеликанов, свет несущих иллюминатов волею Гептарха Совокупительного?

Фельдшер отвечал:

– Свободный муж ищет случая быть принятым в священное братство пеликанов, свет несущих иллюминатов волею Гептарха Декапитирующего.

Церемония повторилась еще дважды; затем дверь широко распахнулась, и Дуплоноженко, замогильно подвывая, пригласил их войти.

В доме было темно и тихо, окна завешены, дверь, едва Вьюшин с провожатым переступили порог, плотно затвори-

лась. Невидимый гроссмейстер тяжело проследовал вглубь комнаты и, судя по скрипнувшему стулу, сел. Слышалось чье-то хрипкое учащенное дыхание. После непродолжительной паузы из мрака посыпались вопросы:

– Как твое имя?

– Сколько от роду лет?

– Где родился?

– Где проживаешь?

– Которой веры и в каких чинах?

Непонятные хрипы усилились, и это отвлекало Вьюшина, но он сумел ответить без запинки. Когда допрос закончился, заговорил уже новый, незнакомый голос:

– Великий гроссмейстер, брат Верховный Иллюминат, апостол Гептарха получил Священное Слово, реченное через воды речные. Испив Покровителя, пошел он с вестью благой в дома и сады, зовя во мраке пребывающих наполнить бидоны и баки, покуда не иссяк Господь. И проповедовал Слово, и был услышан.

Вьюшин, слушая это ритуальное вступление, испытал благоговейный порыв и повалился на колени. Голос, осекшись для исторжения одобрительного крика, объявил:

– Да не сократятся дни пресветлого братства, где нет ни больших, ни меньших, но все чрез Декапитатора и Совокупителя равны в Гептархе, одно имеют Откровение. Декапитатор, Совокупитель и иже с ними...

– Какие» иже с ними»?! – вдруг кто-то истошно, словно

резаный, завизжал. – Какие-такие «иже с ними»?! Что ты себе позволяешь, богохульник, грязная твоя пасть?!!

Случился небольшой переполох, комната наполнилась озабоченным шебуршанием, послышался недовольный гул. Невидимый оратор, кляца зубами, начал оправдываться:

– Сорвалось, граждане пеликаны... бес попутал... Един Гептарх, имея трех в одном, и да не приложится никто сверх установленного...

Воцарилась наэлектризованная тишина. Еретик, глотнув воздуха, затараторил:

– Хвала Святому образу, что в комнате умывальной явлен был, в ничтожной кляксе умаленный с нашим ничтожеством сообразно...

Перед внутренним взором Выюшина возникла рельефная миниатюрная харя, которую прозревший Дуплоноженко увидел на косяке в случайном потеке краски и принял сначала за окаменевшего домового, но после, хлебнув еще речной водицы, усвоил истину и начал относиться к потеку с должным почтением. Долго каялся, стуча в половицы лбом, ибо не вчера потек образовался, был здесь многие годы, да вот не распознал его беззаботный хозяин... Снова полетели вопросы, Выюшин очнулся от грез:

– Первейшим ли ты признаешь долгом, чтобы высочайшее Существо, источник всякого порядка и согласия почитать, страшиться и любить? Признаешь ли за закон голов усекновение и совокупление природы супротив во имя кня-

зя не от мира сего? Свят ли для тебя Водолей, чья эра грядет
во славе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.